УДК 347.736

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ, НЕЗАВИСИМОСТЬ И ПРОБЛЕМА АФФИЛИРОВАННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

***Александрова М.А.*[1]**

магистрант 2 курса

Юридический институт

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный

национальный исследовательский университет»

Белгород, Россия

Аннотация

В статье исследуются правовые условия обеспечения независимости арбитражного управляющего при осуществлении им полномочий в процедурах несостоятельности (банкротства). Рассматривается соотношение конфликта интересов, заинтересованности и аффилированности, исследуются формальные признаки юридической связанности и фактические отношения зависимости между управляющим, должником и кредиторами с учетом подходов судебной практики к оценке подобных обстоятельств. Цель работы состоит в выявлении особенностей правового регулирования независимости арбитражного управляющего и оценке того, насколько предусмотренные законом механизмы позволяют предупреждать возникновение конфликта интересов в делах о банкротстве. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что наделение управляющего широким кругом полномочий предполагает необходимость учитывать несовпадающие имущественные интересы участников процедуры, тогда как отсутствие формально установленной аффилированности само по себе не гарантирует отсутствия фактического воздействия на принимаемые им решения. Проведенное исследование позволяет

[1] Научный руководитель: Кравцова Е.А., к.ю.н., доцент, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет», Белгород, Россия.
Scientific adviser: Kravtsova E.A., PhD in Law, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

утверждать, что оценка независимости управляющего требует изучения не только предусмотренных законом критериев заинтересованности, но и всей совокупности обстоятельств, способных свидетельствовать о действительной зависимости либо вызвать обоснованные сомнения в его беспристрастности; вместе с тем профессиональное взаимодействие с участниками банкротства не может автоматически рассматриваться как наличие конфликта интересов.
Ключевые слова: арбитражный управляющий, независимость управляющего, конфликт интересов, аффилированность, заинтересованность, несостоятельность (банкротство), критерии независимости.

CONFLICT OF INTEREST, INDEPENDENCE AND AFFILIATION ISSUES CONCERNING AN INSOLVENCY ADMINISTRATOR

Aleksandrova M.A.

2nd year master's student

Law Institute

Belgorod state university (BSU)

Belgorod, Russia

Annotation

The article examines the legal framework for ensuring the independence of an insolvency administrator in the exercise of their powers in insolvency (bankruptcy) proceedings. It explores the relationship between conflicts of interest, interested-person status, and affiliation, examining formal indicators of legal ties and actual relationships of dependence between the insolvency administrator, the debtor, and creditors, with due regard to the approaches developed in judicial practice for assessing such circumstances. The purpose of the study is to identify the specific features of the legal regulation of an insolvency administrator’s independence and to assess the extent to which the statutory mechanisms are effective in preventing conflicts of interest in bankruptcy proceedings. The relevance of this issue stems from the fact that the broad powers vested in an insolvency administrator require consideration of the competing

proprietary interests of the parties to the proceedings, while the formal absence of affiliation does not, in itself, guarantee that the administrator's decisions are free from external influence. The study demonstrates that assessing an insolvency administrator's independence requires consideration not only of the statutory criteria for determining interested-person status but also of the totality of circumstances that may indicate actual dependence or give rise to reasonable doubts as to the administrator's impartiality; at the same time, professional interactions with parties to bankruptcy proceedings must not automatically be regarded as evidence of a conflict of interest.
Keywords: insolvency administrator, independence of an insolvency administrator, conflict of interest, affiliation, interested-person status, insolvency (bankruptcy) proceedings, de facto dependence, judicial assessment of independence.

Процедура несостоятельности (банкротства) представляет собой особую правовую среду, в которой пересекаются имущественные интересы субъектов, зачастую занимающих противоположные позиции относительно дальнейшей судьбы должника и порядка удовлетворения предъявленных к нему требований. В подобных обстоятельствах арбитражный управляющий оказывается в достаточно сложном положении: с одной стороны, он наделяется широким кругом полномочий, позволяющих непосредственно влиять на ход процедуры, с другой – обязан сохранять профессиональную дистанцию по отношению ко всем ее участникам. От соблюдения данного требования во многом зависит правомерность принимаемых им решений и, безусловно, доверие к самому механизму банкротства.

Правовое положение арбитражного управляющего предполагает наличие определенной самостоятельности при осуществлении профессиональной деятельности, однако такая самостоятельность не означает предоставления ему неограниченного усмотрения. В соответствии с п. 4 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее –

Закон № 127-ФЗ) управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества [1]. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что законодатель не сводит назначение его деятельности к защите интересов какой-либо одной стороны, поскольку подобный подход неизбежно приводил бы к нарушению равновесия между участниками процедуры. Как справедливо отмечают в своем исследовании С.А. Карелина и М.Е. Эрлих, правовой статус арбитражного управляющего выступает одним из инструментов разрешения конфликта интересов в процессе несостоятельности, а его деятельность должна быть ориентирована на обеспечение баланса интересов вовлеченных в процедуру субъектов [2, с. 20-21]. Следовательно, управляющий не может рассматриваться исключительно как представитель должника либо кредиторов, даже если именно один из этих участников первоначально выступил инициатором его утверждения.

Также необходимо разграничивать объективное противоречие интересов участников банкротства и конфликт интересов непосредственно в деятельности арбитражного управляющего. Первое является естественным следствием самой природы несостоятельности: кредиторы заинтересованы в максимально возможном удовлетворении своих требований, должник – в сохранении имущества и минимизации неблагоприятных последствий, тогда как отдельные участники могут преследовать собственные экономические цели. Второе возникает в ситуации, когда личная, имущественная или иная заинтересованность управляющего либо его связь с определенными лицами способны повлиять на объективность принимаемых решений или создать обоснованные сомнения в его беспристрастности. С.Л. Сергеева, рассматривая особенности конфликтных отношений в делах о несостоятельности, тоже указывает на их многослойный характер, отмечая, что противоречия могут возникать не только между должником и кредиторами, но и непосредственно между участниками процедуры и арбитражным управляющим [3, с. 21-22]. При этом Закон № 127-ФЗ [1] не содержит универсального определения конфликта

интересов применительно к арбитражному управляющему, предпочитая устанавливать конкретные ограничения и требования к его поведению.

М.Е. Эрлих, изучая правовые средства разрешения конфликтов в процедурах несостоятельности, обращает внимание на необходимость обеспечения независимого положения управляющего как одного из условий надлежащего функционирования института банкротства [4, с. 58, 116-117]. Такая постановка вопроса вполне обоснованна, ведь недостаточно лишь возложить на управляющего обязанность действовать добросовестно – необходимо также исключить обстоятельства, при которых соблюдение этой обязанности становится сомнительным либо объективно затруднительным.

Особого рассмотрения заслуживает соотношение понятий заинтересованности и аффилированности. В правоприменительной практике они нередко используются при оценке одних и тех же обстоятельств, хотя не являются тождественными. П. 2 ст. 20.2 Закона № 127-ФЗ прямо запрещает утверждать в качестве временного, административного, внешнего или конкурсного управляющего лицо, являющееся заинтересованным по отношению к должнику либо кредиторам [1]. Содержание данной категории раскрывается посредством ст. 19 упомянутого Закона, которая относит к заинтересованным лицам, в частности, лиц, входящих с должником в одну группу лиц в соответствии с законодательством о защите конкуренции, а также аффилированных с ним лиц. Такое регулирование позволяет рассматривать не только непосредственные имущественные отношения управляющего с должником, но и более широкую систему юридически значимых связей, способных повлиять на его профессиональную самостоятельность. В свою очередь, ст. 53.2 Гражданского кодекса Российской Федерации отсылает определение наличия или отсутствия отношений связанности (аффилированности) к соответствующему законодательству, а ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»

устанавливает признаки принадлежности физических и юридических лиц к одной группе [5; 6].

Однако установление юридической аффилированности не всегда исчерпывает вопрос о действительной зависимости арбитражного управляющего от участников банкротства. В отдельных случаях формальное отсутствие корпоративных или иных прямо предусмотренных законом связей не исключает существования устойчивых экономических отношений, неформальных договоренностей либо фактического влияния, способного обусловливать поведение соответствующих лиц. Определенное значение в этой связи имеет разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53, согласно которому фактический контроль над должником может осуществляться и при отсутствии формально-юридических признаков аффилированности, если установлена реальная возможность определять его действия [7]. Применительно к независимости арбитражного управляющего это означает необходимость оценки всей совокупности обстоятельств, позволяющих установить наличие либо отсутствие действительной заинтересованности.

Важнейшие ориентиры для такой оценки содержатся в Обзоре судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11 октября 2023 г.: в п. 4 закреплено, что управляющий должен быть независим от должника и кредиторов; обоснованные сомнения в его независимости толкуются против его утверждения. В обозначенном выше Обзоре была рассмотрена конкретная ситуация, когда кандидат одновременно исполнял обязанности внешнего управляющего в отношении организации, являвшейся кредитором должника в другом деле о банкротстве. Совмещение профессиональных функций создало объективные сомнения в способности кандидата обеспечить равное отношение ко всем кредиторам, поскольку его

самостоятельный интерес в деятельности одного из них мог вступить в противоречие с задачами другой процедуры [8].

Вместе с тем судебная практика не допускает автоматического отождествления любого профессионального взаимодействия с наличием зависимости. Так, в п. 5 уже упомянутого ранее Обзора от 11 октября 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что неоднократное предложение кредитором одной и той же кандидатуры арбитражного управляющего в делах о банкротстве различных должников само по себе не свидетельствует о зависимости такого управляющего от кредитора. Дело в том, что судебная коллегия исходит из того, что повторный выбор специалиста может объясняться его профессиональными качествами, положительной деловой репутацией и предшествующим опытом сотрудничества, а не наличием соглашения о совершении действий в интересах конкретного лица. Соответственно, юридически значим не сам факт знакомства, сотрудничества или неоднократного привлечения специалиста, а именно наличие обстоятельств, позволяющих установить его заинтересованность, зависимость или обоснованные сомнения в его способности действовать независимо [8].

Другая проблема, которую мы рассмотрим в рамках данной научной статьи, связана с влиянием аффилированных кредиторов на формирование кандидатуры арбитражного управляющего. В п. 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, от 29 января 2020 г. обозначено, что выбор кандидатуры управляющего либо саморегулируемой организации должен определяться кредиторами, не являющимися контролирующими должника или аффилированными с ним лицами. После детального анализа становится ясно, что это нужно для предотвращения конфликта интересов: кредиторы, связанные с должником общностью имущественных интересов, могут быть заинтересованы в назначении специалиста, поведение которого будет отвечать прежде всего их

собственным экономическим целям, а не интересам всего сообщества кредиторов. Предоставление таким лицам возможности влиять на результаты голосования способно лишить установленный законом механизм назначения управляющего его действительного назначения [9]. Развивая аналогичную позицию, Ф.А. Воронов отмечает, что наличие у аффилированного кредитора реестрового требования как таковое не предоставляет ему права участвовать в выборе кандидатуры арбитражного управляющего или голосовать по данному вопросу [10, с. 17-20]

Немаловажным является и вопрос о том, насколько действующие законодательные механизмы способны обеспечить независимость управляющего уже после его утверждения арбитражным судом. Ст. 20.3 Закона № 127-ФЗ устанавливает специальные ограничения в отношении отдельных лиц, привлекаемых управляющим для осуществления профессиональных мероприятий: в частности, оценщик, аудитор, организатор торгов и оператор электронной площадки не могут быть заинтересованными по отношению к управляющему, должнику и его кредиторам [1]. В то же время проблема независимости не может быть сведена исключительно к вопросам юридической аффилированности, поскольку определенную роль играет и материальное положение самого управляющего; Л.В. Борисова, например, обращает внимание на несоразмерность рисков ответственности финансового управляющего и установленного размера его вознаграждения, рассматривая ее как одну из причин отказа специалистов от участия в процедурах банкротства граждан [11]. Разумеется, недостаточный размер вознаграждения сам по себе не свидетельствует о заинтересованности конкретного управляющего, однако экономическая уязвимость профессиональной деятельности заслуживает внимания при обсуждении гарантий его реальной самостоятельности.

Итак, проведенное исследование позволяет заключить, что независимость арбитражного управляющего определяется не одним лишь соответствием его кандидатуры требованиям закона: не менее важное значение имеют

действительный характер отношений с должником и кредиторами, общность имущественных интересов и возможность воздействия на решения, принимаемые в ходе процедуры банкротства. Несмотря на то что законодатель предусмотрел ряд гарантий предупреждения конфликта интересов, включая запрет на утверждение заинтересованного лица, обязанность управляющего действовать добросовестно и разумно, судебную проверку предложенной кандидатуры и ограничения в отношении привлекаемых им специалистов, применение этих механизмов не всегда позволяет выявить существующую зависимость, особенно когда она не выражена в очевидных юридических связях. Важную роль в разрешении подобных ситуаций играют правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, позволяющие отделить обоснованные сомнения в независимости управляющего от обстоятельств, которые сами по себе не свидетельствуют о его заинтересованности, тем самым предостерегая от поверхностной оценки кандидатур и необоснованного ограничения профессиональной деятельности. На этом основании представляется оправданным дальнейшее развитие правовых средств предупреждения конфликта интересов, в том числе посредством установления более последовательных требований к раскрытию кандидатами сведений об имущественных, корпоративных и иных связях с должником и кредиторами, способных отразиться на самостоятельности принимаемых ими решений, а также усиления судебного контроля за сохранением независимого положения управляющего в течение всей процедуры банкротства. В конечном счете правовая оценка должна опираться не на отдельные признаки, вырванные из общего контекста, а на действительное содержание отношений между участниками банкротства, поскольку именно за внешними формами взаимодействия нередко скрываются обстоятельства, определяющие степень самостоятельности управляющего и, следовательно, возможность надлежащего осуществления им возложенных полномочий.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

2. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. – 2012. – № 3 (289). – С. 19-25.

3. Сергеева С.Л. Теоретико-правовое осмысление конфликта интересов в банкротстве // Администратор суда. – 2025. – № 3. – С. 20-24.

4. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения. – М.: Проспект, 2015. – 186 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

6. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. № 31, ч. 1. – Ст. 3434.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (ред. от 23.12.2025) // Российская газета. – 2017. – № 297.

8. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11.10.2023 г.) / Справочно-правовая система Консультант Плюс (https://www.consultant.ru). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286 (дата обращения: 28.10.2026).

9. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих

должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020 г.) / Справочно-правовая система Консультант Плюс (https://www.consultant.ru). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344078 (дата обращения: 30.10.2026).

10. Воронов Ф.А. Ограничение прав аффилированных кредиторов на выбор кандидатуры арбитражного управляющего и механизм обеспечения подлинной независимости арбитражного управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве) // Право и бизнес. – 2023. – № 1. – С. 17-20.

11. Борисова Л.В. О проблеме дисбаланса рисков ответственности и вознаграждения финансового управляющего по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Юрист. – 2024. – № 3. – С. 35-38.